

ANBraun

Коммуналка

12+

ANBraun

Коммуналка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57339576

SelfPub; 2020

Аннотация

Что-то не то происходит в коммунальной квартире, куда занесло нашего главного героя – студента Пашу. Или что-то не то происходит с ним самим?

Существуют вещи, которые невероятно сложно облечь в слова. Особенно если ты взращен типичным мужиком, а история состоит в основном не из фактов, а из ощущений, полутонов и неуловимых метаморфоз окружающей действительности и самого себя. Тем не менее, суровая необходимость заставляет браться за эту задачку, и я приступаю к акту двойного насилия: над собой, ибо вынужден выжимать из себя кривые непривычные речи, и над тем несчастным, кто возьмётся это прочесть.

Итак... С какого же момента начать эту историю? Не так-то просто провести грань, когда же все пошло не туда, какое решение стало роковым. На ум приходит августовский вечер...

Мерный стук колес настраивал на медитативный лад. Я находился в поезде уже сутки. Душная консервная банка плацкартного вагона угнетала. Полная невозможность зацепиться вниманием хоть за что-то внешнее, помноженная просто аномальной жарой, превратили поездку в настоящее наказание. Благо терпеть оставалось уже недолго. А мысль о возвращении в Петербург поднимала настроение.

В родительском доме, где я провел каникулы после 3-его курса университета, было, конечно, хорошо и уютно. Но под конец я уже рвался из родных краев обратно в Питер. Этот город затягивает.

Да и само студенчество мне нравилось. С сокурсниками общий язык нашёл быстро, учёба была скорее интересна, (не до щенячьего восторга, но в целом нравилась). Даже легендарная студенческая нищета обошла меня стороной, поскольку и родители помогали немного и сам находил подработки.

Одно давалось мне действительно тяжело – жизнь в общаге. Я не мог привыкнуть, что рядом постоянно находятся люди. Так уж сложилось, что мне для комфортного существования хоть иногда (а лучше часто) необходимо уединение. А получать минуты покоя я привык именно дома. Конечно, это не смертельная проблема, для кого-то, вероятно, и вовсе пустяк, но мою жизнь такое положение вещей отравляло.

Я тщетно пытался смириться целый год. Затем понял, что так дальше продолжаться не может. Второй курс прошел в беготне по разнокалиберным коммуналкам. К сожалению, снимать целую квартиру я категорически не мог себе позволить. Даже комнаты приходилось искать подешевле. В связи с этим и менял жильё часто, ибо низкая цена обычно связана с каким-то трэшем. Со временем он становится невыносим, и я меняю шило на мыло.

Конечно, прыгать по квартирам в поисках более адекватного варианта тоже сомнительное удовольствие, но все равно это было повышением уровня жизни.

Уже поздно вечером я переступаю порог коммуналки, которую на данном этапе жизни, хоть и без особой теплоты, но называю своим домом. В планах было прошмыгнуть тихо-тихо. Входить в дом осторожно, плотно вошло у меня в привычку. Как и отчаянная просьба куда-то к высшим силам: «Только бы никто не услышал!».

Мне всегда непросто объяснять свое раздражение, неминуемо вспыхиваемое даже при мысли о нашей большой и дружной коммунальной семье. Обычно люди мечтают о таком соседстве и считают, что я зажрался. А меня наизнанку выворачивает от такой жизни. До сих пор не понимаю, это я дурак или лыжи не едут.

Дело в том, что я не зря употребил слово семья. Отношения в этой квартире сложились очень близкие и тёплые. Настолько, что становилось нестерпимо жарко и тесно.

Поскольку остальным жителям было за 40, я в свои 20 лет стал кем-то вроде всеобщего сыночки. Нет, они все милые, добрые, душевные люди, правда. Но меня просто сносит такой общительностью и абсолютным неуважением к чужим границам. Все, что находится в холодильнике, воспринимается как общая еда. Вся посуда на кухне превращается в общественную. Все праздники отмечаются в кругу дружной коммунальной общины. И решительно невозможно отказать присутствовать на любой вариации их сборища. А уж фразы в духе «Я хочу побыть у себя в комнате один» в лучшем случае игнорируются, в худшем – вызывают бур-

ление обид и игнорируются.

Не спасало даже то, что здесь в отличие от большинства виденных мной коммуналок было чисто, аккуратно, пожалуй, уютно, а пахло жареными котлетами, а не плохо вычищенным туалетом. Я понимал, что это неразумно, но все чаще приходила мысль, что пора подыскивать другую комнату. Паталогически хотелось уединения. Единственный плюс – без проблем я смог уехать домой, комнату при этом для меня придержали.

Мой план незаметно проскользнуть к себе, как и всегда с треском провалился.

–Пашка! Привет родной, ты чего крадешься?

И действительно...

–Добрый вечер Геннадий Иванович. Беспокоить никого не хотел, время позднее.

–Да что ты, не настолько и поздно. Голодный наверно с дороги? Мариш, Пашка вернулся. Накрой на стол, парень с дороги, есть хочет.

Остальные соседи, конечно, не могли не услышать громогласный голос Геннадия. Все собрались меня поприветствовать, кто-то тоже хотел покормить (любят они это дело), каждый о чем-то спрашивал... Милые люди. Но как же хочется просто лечь спать...

Я понял, что мечты о тихом отдыхе придется отложить. Обижать никого не хотелось, они ведь действительно хорошо ко мне относятся. Я поплелся на кухню и честно высидел

столько сколько смог. Видя, что я уже наполовину заснул за столом, мужики таки разжали клещи своей заботы, и я радостно отправился к своему продавленному дивану. Пытаясь заснуть под громкие голоса, четко слышимые из кухни я пообещал себе: «Все. Завтра начинаю поиски другой комнаты».

Отыскать более подходящее место для жизни оказалось сложной задачей. К сожалению, обычно поисковики редко включают в фильтры такие характеристики как «соседи, которым на вас плевать». Очень часто встречалось в публикациях сочетание слов «хорошие соседи», только, что именно под этим подразумевается, поди разбери. Мои вот тоже хорошие, только жить с ними невыносимо.

Какое-то время я просто прозванивал все подходящее по цене и расположению и ехал на просмотр, стараясь понять, что представляют собой жители очередной коммуналки. Получалось не очень. Собственники же крайне редко честно отвечали на вопросы о соседях.

Затем я изменил тактику и стал отбирать объявления с фотографиями, где запечатлены места общего пользования. Меня интересовали квартиры, где можно было проследить четкое разделение территории. Отдельные шкафчики, ванная комната не пестрит оставленными шампунями, посуда не перемешана в общую кучу и тому подобные мелочи. Ис-

кать было непросто, в основном люди выкладывали фото самих комнат. Тем не менее, несколько вариантов я для себя отобрал.

Прозвон начал с самого дешевого объявления. Ответила бабуля, мы договорились о встрече.

Квартирка выглядела не слишком презентабельно. Старушка-собственница, стесняясь, сказала, что, к сожалению, состояние не очень, поскольку люди здесь живут весьма безразличные к вопросам быта и вообще к жизни. Я тут же заинтересовался.

—Что, совсем безразличные?

—Да. Живут, друг с другом не общаются, каждый сам по себе, ремонтом никто не озабочен.

Старушка говорила обо всем этом с явной печалью, а я же все более явственно понимал, что нашел именно то, к чему стремился. Я стоял на пустой кухне коммуналки из 6 комнат и поражался тишине и пустоте.

К тому же, поскольку бабуля считала все это ужасными недостатками, то и ценник был приятен. Даже меньше, чем я отдавал за аренду своего дружелюбного ада. В той квартире, где я жил еще оставалась неделя оплаченного времени, но я был готов переехать немедленно. Настолько было тяжело выносить постоянное и слишком активное присутствие других людей в моей жизни. Особенно хапнув на каникулах жизни в доме, где комнат больше, чем людей.

Уже бывшим соседям объяснил, что нашел более деше-

вый вариант, к тому же ближе к университету. Я надеялся, что это последний раз, когда в целях не-обидеть-хороших-но-таких-навязчивых-людей мне придется врать, и вообще оправдываться в своих решениях.

Собираться было непросто. Посуда и иные вещи уже росли в общекоммунальное хозяйство. Выбор был дурацкий: или обращаться с просьбами: «Перелейте, пожалуйста, свой борщ из моей кастрюли», или расставаться с вещами, коих у меня вообще-то откровенно мало. Чувствовал себя нелепо. Вроде и свое прошу отдать, а вроде и отнимаю как будто. Признаюсь честно – «отнимал» лишь самое необходимое. И без того все уши прожужжали о том, что нехорошо я поступаю, покидая нашу дружную коммуналку.

Наконец, все, что было возможно собрать, я упаковал. Еще несколько прощальных ритуалов, еще раз выслушал, как плохо, что я уезжаю и – ура! – свобода. Да здравствуют новые соседи, которым плевать!

В квартиру №44, в свой очередной дом, я добрался уже во второй половине дня. Дверь по укоренившейся привычке открыл бесшумно. Поймав себя на этом, рассмеялся и уже спокойно проследовал в самую дальнюю комнату, которую сдала мне бабуля.

Пол в коридоре не выглядел очень уж грязным, но заставлял подошвы слегка прилипать и издавать специфический

шлепающий звук. Пластинки плитки на полу местами отклеились и валялись в случайных местах коридора. Знакомая картина – каждый пинает беглецов в пустые квадраты, но закрепить никто не пытается. Мои прежние соседи такого безобразия не допускали. Я понимаю, что нормальные люди подобным моментам бы расстраивались. Я же был рад. Никто не станет больше нависать над душой и отчитывать за каждую песчинку, упавшую с моих кроссовок.

Грело душу и полное отсутствие общих шкафов. Лишь обувь хаотически валялась в прихожей, но и этот хаос был разделен на отдельные зоны. Мое неимоверно страдающее в последнее время чувство личных границ ликовало.

Я вошел в свою комнату и только сейчас принялся разглядывать ее внимательно. Хотя, что тут разглядывать? Коммуналка и есть коммуналка: обои кое-где отстают; диван продавленный, с ароматом додревней пыли, который ничем уже не выведешь; рабочий стол времен совка, со сколами и прочими следами эксплуатации; колченогий стул; внушительных размеров шкаф, вызывающий невольные ассоциации с гробом; нелепые занавески в ядерный цветочек... Все это я видел уже много раз. Обстановка удручающая, но бабуля-собственница дала добро на любые перестановки и ремонтные работы. Редкое явление, для арендодателей ее возраста. Редкое чувство свободы.

Зная себя и свою любовь к энергосбережению, (кто-то называет это ленью) я вряд ли буду здесь что-то активно ме-

нять, но сама возможность была приятна. Съёмное жильё можно назвать своим домом лишь условно. Некоторые метры-в-Питере-имущие обожают об этом напоминать, вводя подчас совершенно идиотические ограничения. Это сильно давит. А вот такие вещи, как возможность, не спрашивая переклеивать обои, поднимала настроение и позволяла хоть на время забыть, что я здесь по сути никто.

Свои нехитрые пожитки я раскидал быстро и отправился изучать места общего пользования. Кухня с санузлом были ближе всего ко входу и соответственно максимально далеко от моей комнаты. Это радовало, ибо минимизировало чужие похождения рядом с моей обителью.

Ванная комната представляла собой типичное коммунальное зрелище: коричневая от налета сантехника, капающий кран, разномастные вентили, присобаченные кое-как, шторка, закрепленная на провисающей бечевке. На дверь прибито грязноватое одеяло, видимо, от сквозняков. Как водится толку от такого утеплителя немного, зато не самый приятный запах распространяется успешно.

Кухня тоже не удивила. Набор мебели стандартный: две плиты, два холодильника, три рабочие поверхности, два шкафчика, криволапая табуретка и стул с отвалившейся спинкой. Все покрыто ровным и вечным своим жиром. Стены закопчённые, потолок и того хуже, поскольку вытяжки, конечно, нет.

Окно грязное, прикрыто серым от пыли, местами про-

жжённым тюлем. Несколько ручек от плиты безвозвратно утеряны, рядом лежат плоскогубцы, которые их заменяют.

Под потолком кривовато зацеплена люстра, успевшая потерять за свою тяжелую жизнь один из трех плафонов. В нее вкручены энергосберегающая лампочка холодного света и тут же стандартная теплая лампа накаливания. Красота...

Пахло здесь смесью чего-то вполне съедобного по отдельности, но образующего в целом неведомую горелую мешанину. К этому добавлялись ароматы помойного ведра и табака.

Идентифицировав последний и обнаружив на кухне пепельницу, я закурил. На самом деле меня царапало чувство собственной неправильности. Обитая в прошлой квартире, я нередко ощущал себя в легкой степени моральным уродом, поскольку раздражался на людей за то, что вроде как ценится обществом. И сейчас вот стою на грязной кухне и доволен тем, что здесь нет никаких теплых дружественных посиделок. Я был абсолютно уверен, что здесь не приняты совместные ужины, это даже по расположению мебели очевидно. Голый функционал: приготовил – ушел к себе. И четкое разделение полок холодильника, посуды, запасов продуктов. Каждая мелочь подчеркивает – мы чужие люди, которых жизнь забросила в общую квартиру, мы не друзья и уж тем более не семья.

И именно в такой, совершенно неуютной квартире я наконец-то почувствовал себя на своем месте.

Утром я направился на кухню готовить завтрак. Было непривычно находиться в пищеблоке в гордом одиночестве. За то время, пока я расставлял свою посуду, разбирался с плитой, думал, что бы такого сообразить из куцега набора имеющихся у меня продуктов, лишь один раз мелькнула в дверях совсем молодая деваха, но и она молниеносно исчезла. Кажется, меня испугалась. Дурная немножко, видимо.

За приятную тишину приходилось платить – легкое чувство брезгливости не отступало. Липковатые поверхности не способствовали улучшению аппетита. Зато в такие моменты начинаешь радоваться не слишком хорошему зрению. Не вижу грязь? Нет грязи.

Под конец моих кулинарных манипуляций произошло еще одно столкновение, на этот раз с парнем. В руках у него был чайник. Мы познакомились, перекинулись парой слов, закурили. Первый сосед перестал быть загадкой и обрёл имя – Стас. А пугливая леди оказалась его девушкой. Он, беззлобно посмеиваясь, рассказал, что ежедневно вынужден наблюдать ее чудачества, в духе зависания у двери и прислушивания, чтобы не столкнуться ни с кем из других жильцов. Застенчивая она у него невероятно. И только привыкает к самостоятельной жизни. Всего несколько недель назад они съехались, сняв здесь комнату.

Я поинтересовался у Стаса по поводу других обитателей. Хоть и не видно их особо, но надо же понимать с кем унитаз

делишь.

–Ну смотри... Рядом с тобой как раз мы с Ирккой живем. Кстати, собственница у нас та же бабуля. Дальше у нас Василий – пенсионер. Вообще незаметный мужик, почти не вылезает из своей берлоги. Затем Аркадий. Ничего про него толком не знаю. Потом Валентина с дочками. Девчонки хоть и мелкие, но тоже тихие, а мать их большую часть времени пропадает на работе. А в крайней комнате Андрюша живет, наш местный алкоголик. С ним познакомишься чуть позже, где-то загулял наш чудила.

–Блин! А так все хорошо начиналось...

–Да ты не дергайся, Андрей экземпляр совершенно безобидный. Чудной немного, выпивоха, но ни разу не агрессивный. На самом деле он скорее забавный. Без него здесь даже уныло. Остальные соседи ну очень вяленькие. Зато удобные.

Я не мог разделить оптимизм Стаса. По моему опыту алкоголики отравляют жизнь всей коммуналке. Пока сам не увижу, что уговорить товарища будет несложно, не успокоюсь.

– Слушай, я ещё забыл уточнить у нашей бабули... Она не против гостей?

–Ну что ты сыночек – изобразил Стас голос хозяйки – чувствуй себя, как дома, приглашай друзей. Ты же мальчик хороший, я вижу, плохую компанию не приведешь.

–Ха-ха, хороший мальчик. Мне все больше нравится эта

бабуля!

–А то. Так вот, пригласил я несколько таких же «хороших мальчиков». Поначалу сидели тихо. Но потихоньку музыка становилась все громче, алкоголя все больше, а мы все наглее. Нет, никакого беспредела не творили, не думай, но шумели знатно, а время уже позднее. Никто так и не выказал недовольства, разве что Андрюша все пытался напроситься к нам.

–И не пожаловался никто хозяйке уже после?

–Неа. Я кстати, опасаясь такого поворота, на следующее утро подошёл к Василию, он-то ближе всех находился, и, приняв вид виноватый, поинтересовался, не сильно ли мы ему мешали накануне.

–И что он?

–А он даже НЕ ЗАМЕТИЛ, что у меня кто-то был!

–Да ладно??

–Ага. Не заметил маленькую, но весёлую толпу пьяных студентов в соседней комнате. Это притом, что народ частенько бегал на кухню перекурить, а кто-то с ним даже столкнулся в коридоре!

–Да, внимательный мужик..

–Я тебе и говорю – соседи удобные. Кстати, тебе дружеский совет на будущее – наша бабуля не против наличия в комнате мультиварки. Мы у себя готовим, тут, мягко говоря, не стерильно. Лучше поступай так же. А то рискуешь питаться картошечкой с приправой из побелки, осыпающейся

с потолка, например. И поверь, это не худший вариант!

Я заглянул в свою сковороду, где ожидали своего часа сосиски с макаронами. Не обманул...

– Главное, вовремя предупредить!

Стас вернулся к себе, я же решил, что небольшая порция побелки меня не убьет и свой нехитрый завтрак выкидывать пожалел. Тем более, что приготовить новый все равно не успевал, пора было выходить на учебу.

Вечером я решил пробежаться по соседям, познакомиться. Ну и уточнить особенности местной коммунальной жизни. Дверь Стаса я пропустил, постучал в следующую.

Послышались какие-то признаки жизни и, когда я уже начал терять терпение, дверь открылась. Выглянул мужик лет шестидесяти. Вид у него был какой-то потрепанный и неопрятный.

– Здравствуйте, я ваш новый сосед, меня зовут Паша.

Мужик молчал, безразлично глядя то ли на меня, то ли куда то сквозь меня.. Я почувствовал себя глупо, но продолжил попытки завязать диалог.

– Вы ведь Василий, да?

– Василий Петрович.

Голос у него был тихий, бесцветный, ничего не выражающий.

– Давно тут живете? – я не оставлял попыток завести свет-

скую беседу.

Тишина в ответ. Видя что на контакт сосед идти не желает, я попрощался и двинулся дальше. Пенсионер еще какое-то время неподвижно стоял на прежнем месте, затем медленно развернулся и шагнул к себе. Чудной какой-то! Но вроде как не создается впечатления, что будет портить мне жизнь.

Дверь следующей комнаты отворил дядька лет 40. Я повторил свою приветственную речь и к счастью этот товарищ отреагировал по-человечески.

– Привет сосед, я Аркадий Иваныч. Можно просто Аркадий.

– Приятно познакомиться. Я хотел уточнить, как тут у вас уборка происходит, и вообще узнать правила общежития, что называется.

– Ты извини, я устал ужасно. Спроси у Вальки – он указал на соседнюю комнату.

Выглядел он действительно измотанным. Я попрощался и направился со своей миссией знакомства к Вальке. Как и говорил Стас, это была женщина за 50, живущая с двумя дочками. Я в определении возраста детей не силен, но примерно младшая школа. Валентина тоже казалась невероятно уставшей, но все же еле слышным голосом поведала мне, где у них график уборки, где моя чьи полки на кухне, и прочие стандартные коммунальные штуки.

–ЗДАРОВА!!

Распахнулась дверь последней комнаты, и ко мне, сияя широченной улыбкой и отдавая адовым запахом дешёвого алкоголя, шагал удивительно пышущий энергией и желанием общаться соседущка. Значит уже вернулся...

– Сосед новый?! Это хорошо! Приятно поговорить с новыми людьми! Я Андрюха, тебя как звать?

– Павел – я даже ошалел от такого напора. Кажется, этот алкаш захватил у других обитателей всю тягу к жизни и излучал тройную дозу в одиночку.

– Ну что Павел, выпьем за знакомство?

Ничего себе, какой быстрый товарищ! По возможности вежливо отказавшись от заманчивого предложения, я поспешил слинять к себе под предлогом важных дел. Андрюха пригласил посидеть «пообщаться», как появится время. Нет, сосед, боюсь, на такое общение времени у меня не найдется...

Жизнь на новом месте нравилась мне все больше. С соседями нам действительно повезло. Даже Андрей не приносил особых неудобств, несмотря на свой алкоголизм. Стас оказался прав, пьяные выходки лишь забавляли. Это было чем-то вроде местного развлечения – наблюдать за тем как выпивший Андрюша ведет задушевные диалоги с пустым местом. Признаюсь, поначалу мне было немного страшно, мало ли до чего он дойдет со своей белочкой. Но со временем

я понял, что чудит он абсолютно безобидно.

Остальные же отличались завидным равнодушием ко всему происходящему. У меня даже часто возникало ощущение, что в квартире не шесть обитаемых комнат, а всего три. И Валентина, И Аркадий, и особенно Василий Петрович, заходя в свои норы, словно исчезали. Дочки Валентины, кстати, оказались весьма самостоятельными, спокойно проводили время дома одни. И даже играясь в общем коридоре, они оставались совершенно незаметными.

Василий хоть и находился большую часть времени дома, настолько редко выныривал из своей комнаты, что про сам факт его существования немудрено было забыть. И даже высовывая нос из своей берлоги, на контакт он все равно не шел, никаких разговоров не поддерживал, уж тем более не начинал беседу сам. Аркадий тоже не отличался общительностью. У него было два режима: он на работе, и он устал после работы. И всем им было абсолютно безразлично, что происходит за пределами их комнат.

Этот факт сделал мою скромную обитель традиционным местом для посиделок с однокурсниками. Не подумайте, что я устраивал сборища ежедневно, все же нужно было еще когда-то учиться и подрабатывать. Но и элемент удовольствия в жизни быть должен, поэтому редкие выходные проходили без гостей у меня или у Стаса, или сразу у обоих. В принципе наши компании все больше объединялись, ведь и возраст, и статус одинаковый, да и интересы у нас во многом совпа-

дали.

К сожалению, ничто хорошее не может длиться вечно. Аркадий Иванович нашу прелестную коммуналку покинул. Кстати совершенно внезапно. Просто однажды утром я ушёл на учёбу, а вернувшись, узнал от Стаса, что Аркадий с нами больше не живет.

На его место пришел зверь подвида «бабка-типичная». Разумеется, мы со Стасом моментально стали для нее врагами номер один. Вот тут мы по полной хлебнули гневных воплей, перемежающихся вечным нытьем. Жить мы ей спокойно не даем, все делаем, лишь бы в могилу ее загнать, естественно наркотиками балуемся... Спасибо, хоть в протитутки не записала. Ирку она, конечно же, без конца доводила до истерики. Невозможная ранимость этой молодой дамочки начинала меня раздражать, но вслух я ничего такого не комментировал, не желая портить отношения со Стасом.

Что самое обидное, бабкины недовольства были совершенно несправедливы. Мы как будто перебесились. Возможность приводить гостей в любое время и в количестве, ограничивающимся лишь скромным метражом жилища, лишь поначалу вызывала эйфорию. Со временем же превратилась в обыденность, и подобные посиделки перестали приносить удовольствие. Иногда бывало просто лениво. А временами я, может, и рад был бы посвятить время вечеринкам, да толь-

ко учеба стала даваться слишком тяжело. В какой-то момент для меня оказалось невыносимо совмещение с работой. Я стал ужасно уставать, а мозг варил куда медленнее обычного. Это меня страшно раздражало, раньше мне легко давались знания. Тупить над учебниками было для меня даже немного унижительно. Как это так, я не могу с десятой попытки вникнуть в один дурацкий абзац?? Я справлялся, конечно, но времени приходилось тратить в разы больше.

Стас, кажется, тоже испытывал определенные сложности. Жизнерадостность и энергичность в нем поубавились, все чаще я стал замечать его в мрачноватом настроении. С Иркочкой у них, что ли не ладится? Расспрашивать его я не рисковал, ибо он стал еще и раздражительным. Если раньше, когда наша вечно страдающая бабка начинала очередной концерт, он лишь отшучивался, то недавно они здорово поругались. Я даже представить себе не мог, что он может так орать. Был в этом, правда, и небольшой плюс: бабуля, похоже, испугалась и несколько притихла. Даже не начала свою наркоманскую песню, когда ко мне заглянул сокурсник. Раньше такого с ней не случалось.

К сожалению, проверять и дальше терпимость бабки возможности уже не было. С учебой начались реальные проблемы. Я стал понимать, что дальше так продолжаться не может. В итоге, хоть я и силился этого избежать, пришлось звонить родителям и объяснять ситуацию. Они поддержали мнение, что раз уж я приехал в этот город учиться, обучение и долж-

но оставаться в приоритете и согласились усилить финансовую поддержку. Я смог уволиться и ограничиться небольшими фрилансовыми халтурками. К счастью, цена, по которой я арендовал комнату, позволила мне остаться жить здесь даже при таком раскладе.

Однажды Валентина обратилась ко мне с просьбой. У меня ощущение, что это был первый раз, когда она сама начала разговор. А дело оказалось в том, что обе ее дочери разом заболели, и, несмотря на всю их самостоятельность, оставлять их одних в таком состоянии страшно. Самой же Валентине нужно как всегда бежать на работу. Выходных у нее, похоже, вообще не бывает.

Я не слишком хотел соглашаться, да и опыта общения с детьми не имел, но все же решил помочь. Планов на это воскресенье все равно не было. Комната Валентины показалась скорее чистой, но очень уж серой и пустой.

Наспех дав мне самые необходимые указания, хозяйка поспешила на работу. Младшая девочка спала, ее по инструкциям нужно будет разбудить через пару часов и дать лекарства. Старшая чувствовала себя несколько лучше. Я вдруг понял, что до сих пор не знаю их имен.

—Как звать то тебя?

—Таня

—А сестру?

–Соня.

–Ну что, чем займёмся?

–Давай играть – она протянула мне куклу.

–Ну... давай попробуем

Чувствовал я себя не слишком уверенно, я все же не слишком хорошо понимаю, что за звери такие – дети. Но вроде бы пока все шло неплохо. Я по мере сил участвовал в ее игре, понемногу даже добавляя от себя каких-нибудь деталей в приключения потрепанных кукол. Так мы провели около часа. Потом Танюша попросила почитать ей. Читать так читать, мне не сложно. Еще через час я вспомнил, что в мои обязанности входит дать Соне лекарства.

Я подошёл к кровати и попытался осторожно разбудить девочку. Она лежала, укрывшись с головой, видимо температура давала о себе знать ознобом. Я аккуратно протянул за одеяло, чтобы хоть лицо приоткрыть.

–Черт!!!

Я отпрыгнул от кровати, так и продолжая сжимать одеяло в руке. По комнате медленно расплзся сладковатый запах разложения. Я не силен в медицине, но то, что лекарства девочке принимать поздно уже несколько дней как, уверен абсолютно. Признаться я растерялся. Совершенно не понимал, что делать дальше и как вести себя, чтобы не напугать Таню.

Так.. Нужно увести мелкую из комнаты. И позвонить... в скорую? Не знаю, куда там обращаются в таких случаях. Только я собрался воплотить свои нехитрые планы, как

услышал из угла, в котором стояла кровать Сони: «Мне холодно!».

На трясущихся ногах я подошёл к ней. В мою сторону повернулся абсолютный, уже начавший разлагаться труп, и обиженно заявил: «Отдай одеяло! Холодно!».

Я чуть не рухнул с кресла, на котором задремал, читая книгу Тане. Она же спокойно играла сама с собой, не тревожась тем, что я вырубился.

– Мне холодно! – послышалось уже в реальности.

Я вздрогнул и не без страха посмотрел в сторону Сони. Выглядела она явно лучше, чем в моем сне, только бледная до ужаса. Одеяло свалилось на пол. Я подошёл к девочке, укрыл и протянул таблетку, оставленную Валентиной.

Стыдно признаваться, но из-за нелепого кошмара мне стало очень неудобно. Хотелось поскорее уйти. К сожалению, соседка должна была вернуться только через несколько часов. Время тянулось невыносимо долго. Таня продолжала развлекать себя сама, Соня снова спала. Делать мне было решительно нечего.

С огромным трудом я дождался Валентину, выслушал ее вяленькую благодарность и наконец, покинул ее жилище, пообещав себе больше не откликаться на подобные просьбы

Перестав тратить силы на работу, я почувствовал себя куда лучше. Смог привести в порядок свои учебные дела, и

у меня даже остались силы, которые мне захотелось пустить на улучшение нашей скромной обители. Все таки я привык к уютным домам и, в конце концов, повсеместная грязь и убожество стали меня бесить.

Я не ожидал, что кто-то меня поддержит с учетом особенностей живущих здесь людей. Однако неожиданно нашёл союзницу в лице Ирки, которая, наконец, перестала меня шутаться.

Мы с ней потихоньку кое-что отмывали, кое-что заменяли. Я занимался мелким ремонтом мебели, а девушка обнаружила талант ко всяким рукодельным штучкам. Ну что я могу сказать, такая ранимая натура наверно обязана быть творческой. Стас изредка помогал, но скорее за компанию.

Через какое-то время мы вдруг столкнулись с сопротивлением. Василий, от которого я этого точно не ожидал, проявил вдруг сильнейшее недовольство тем, что мы немного изменили расстановку мебели на кухне. Непривычно ему стало. И, кажется, непривычность для него настолько плоха, что можно даже сделать немислимое – заговорить с соседями. К счастью, запала ему хватило только на разовую акцию недовольства.

А вот Валентина начала негодовать регулярно. Ей не по нраву пришлась новая люстра (ну да, кривая рухлядь на которой не хватает плафона смотрелась гармоничнее), она возмущалась, что от яркого цвета новых занавесок болит голова (а от вонючего тюля не болит), а уж вопли по поводу исчез-

новения с двери ванной комнаты плесневелого одеяла были просто отчаянными. Дочки у нее теперь будут мерзнуть и болеть, и в этом виноваты мы, т.е. я, Стас и Ирка, которые занимались всеми преобразованиями.

В тот день Валентина разошлась не на шутку. Мы со своими прекрасными начинаниями дошли до покраски стен коридора. Я и Стас наложили базовый слой краски, а Ирка, все больше раскрывая свои способности к творчеству, взялась за художественную роспись. Когда работа была почти закончена, домой как раз вернулась Валентина. И началось что-то невероятное.

Нет, мы давно поняли, что соседка не слишком довольна нашими действиями, но признаться не принимали всерьез ее ворчание. А тут она словно с катушек слетела: подбежала к Ире, выхватила у нее кисть, принялась колотить этой же кистью нашу художницу по лицу. Все это сопровождалось яростными визгами о том, как мы ее достали, как делаем все возможное, чтобы помешать ей жить, как все портим...

Обвинения, на мой взгляд, были абсолютно идиотическими. К сожалению, Ирка, которая панически боялась любых конфликтов, как раз находилась в коридоре одна, и ответить обезумевшей фурии ничем не смогла. И даже когда Валентина отстала от самой девушки и начала безжалостно портить ее работу, хаотически размазывая краску по свежему рисунку.

ку, художница лишь растерянно смотрела и сквозь слезы тихо просила перестать.

Все это рассказывал мне Стас, когда я обнаружил его курящим на кухне и кипящим от злости. Он недавно вернулся домой и увидел искореженную работу. Сразу понял, что Ирку обидели. Тут же расспросил ее саму и теперь мерил шагами кухню, ожидая, когда домой вернется удачно слинявшая к этому времени Валентина, чтобы объяснить ей, как она была неправа. Я даже занервничал, Стас за свою девушку убить был готов.

Положение спас вовремя появившийся Андрей. У Стаса появился еще один слушатель, которому можно излить охватившее возмущение. Услышав о безобразном поведении Валентины наш алкомэн постарался успокоить парня и объяснить, откуда растут ноги у неадекватной агрессии соседки.

—Остынь мужик. Понимаю, что девчонку твою обидели, так ведь и эта мегера тоже женщина и тоже обиженная. Ты не виноват в этом конечно, но все же нехорошо получится, если бабу-то побьешь.

Стас прорычал что-то невразумительное и Андрей, приняв это как хороший знак, продолжил.

—Ее муж года три назад бросил, купил ей комнату в нашей коммуналке (а это уже ужасно по большому счету) и отправил в свободное плаванье с дочками. Не помогал больше ни разу. А она старшую родила рано, образования не получила, да и не работала никогда пока замужем-то была.

–Как это рано, дочка ведь мелкая еще, а гримзе этой явно за полтинник!

–Ей 30 лет

–ЧЕГО??

–Да, выглядит она несколько старше, тяжелая жизнь никого не красит...

Пока мы пребывания в шоке, Андрей продолжил

–Дык вот, я и говорю, что работать дамочка не умела. Борься со своим мужиком за алименты или гордость мешала или неспособность к борьбе в принципе. Черт ее разберет. В общем, резко ее материальное положение скатилось вниз, а дочек кормить-одевать надо. Вот и пришлось ей набирать побольше работы, за маханье шваброй много не дают.. Вот и не выдерживает она такой жизни, срывает ей крышу..

–Это все равно не повод обижать Ирку

–Не повод, конечно... Но и воевать с ней как-то не мужски получается.

–Бить я ее и не собирался. Но предупрежу, что б больше она свои психи на моей девушке не вымещала!

–Ну ты все ж помягче с ней, лады?

–Посмотрим...

Видя что Стас хоть немного успокоился, и понимая, что до смертоубийства уже вряд ли дойдет я со спокойной совестью ушел из кухни. Проходя по коридору, я остановился возле Ириного рисунка. Она изобразила миленький местами ядерный пейзаж и несколько каких-то сказочный зве-

рей. Именно живность и пострадала больше всего от выходки Валентины. Неведомый чудик на первом плане смотрел на меня мультяшными слегка чудными глазками и был бы весьма забавен, если бы не случайный росчерк кисти в руке бесноватой соседки. Кривая красная линия превратила его в пасть монстра. Другие существа тоже пострадали, и общий позитивный фон стал восприниматься как издевка. Как можно было за полминуты превратить сказочную картинку в какую-то жуть?? Надеюсь, Ирка согласится снова взяться за работу и исправить положение. Не то чтобы я против ужасиков, но сейчас творение смотрелось просто нелепо. Все-таки даже хоррор должен быть гармоничен и по-своему грациозен, а здесь какая-то хрень получилась.

Только я привел в порядок свою успеваемость, как умудрился заболеть. Очень «вовремя». И ладно бы легкую простуду отхватить, так нет, слег с каким-то ужасным гриппом. Неодолимая слабость, температура под 40... Лежал как овощ. В тот момент я даже порадовался, что живу в коммуналке, ибо один бы я наверно загнулся. А здесь и Стас с Иркой помогли, и даже бабка соседская временно сменила гнев на милость и прониклась ко мне сочувствием. Видимо совсем паршиво выглядел.

Под температурой постоянно мучили раздражающе мутные сны, тяжелые и вязкие. То я из леса выбраться не мог,

то в городе блуждал, пытаюсь найти свой дом, то просто нечто невнятное, что даже описать словами невозможно. Реже приходили более очерченные ужасики: иногда вновь видел одну или обеих дочерей Валентины мертвыми, иногда виделось, что Василий пытается меня задушить... Квартира в этих снах преобразовывалась в нечто весьма грязное и гнетущее. Из-за кошмаров никак не мог выспаться. Это, разумеется, ни разу не шло на пользу моему самочувствию. Я постоянно находился в тумане усталости и недосыпа, и болезни в целом. Стал видеть хуже, постоянно казалось, что света не хватает.

Несмотря на готовность помочь у Стаса, да и у Марьи Витальевны тоже, меня начинала мучить совесть. В тот день я решил дойти до аптеки сам. Помимо мук совести на улицу гнала и нестерпимая тоска: находиться безвылазно в одной и той же крошечной душной и темной комнате было уже невыносимо.

Я опасался, что не дойду в таком состоянии, хоть и было недалеко. Но на удивление, на улице мне стало лучше. Видимо нужно было все же выползть на свежий воздух хоть ненадолго. Дойдя до аптеки, я практически ожил. На просторе городских улиц стало настолько хорошо, что я решил даже еще немного прогуляться. Необходимость отлеживаться в четырех стенах меня действительно замучила.

Вернулся домой в прекрасном настроении и чувствовал себя почти здоровым. Таблетками из аптеки я планировал

добить затянувшуюся болезнь в самое ближайшее время.

Наконец-то проснулся аппетит, и я решил соорудить себе что-нибудь на ужин. Копашась на кухне, краем глаза я заметил движение на стене. Присмотрелся внимательнее – таракан!

–Эй! Вас же тут не было! – воскликнул я с настоящей обидой.

Для кого-то подобная встреча проблемой бы не показалась. К сожалению, я к подобным бытовым мелочам относиться спокойно не мог. Эти маленькие гадкие твари вызывали во мне нестерпимое омерзение. Терпеть подобное на кухне, где я готовлю себе еду, очень не хотелось. А ведь была надежда, что не придётся больше делить жильё с этими гадами. За все время, что я здесь, это единственная встреча. Надеюсь и последняя. Надо будет закупиться ловушками, а то еще приведёт сюда все свое семейство. Эхх, надо было покупать мультиварку пока работал и были свободные деньги!

Через пару дней я уже смог ходить на учёбу. После такого болезненного перерыва отсидеть 4 пары было даже в удовольствие. По пути домой я зашёл в хозяйственный, накопил разнокалиберной отравы. Заодно взял несколько лампочек помощнее, на улице сейчас почти все время темно и света в квартире стало не хватать. Придя домой я наткнулся еще на пару гадов.

–Эй, ребят, я вам покушать принёс – радостно оповестил я тараканов и брызнул на них струёй дихлофоса – Знайте, так будет с каждым!

Не теряя времени, я расклеил везде, где мог ловушки и заменил лампы у себя, на кухне и в коридоре. Наконец-то стало хоть немного светлее, хотя я надеялся на больший эффект. Подумав немного, решил пройтись по соседям, раздать оставшиеся ловушки для массовости своей миссии уничтожения.

Прежде чем постучаться к Василию я промедлил несколько мгновений, явственно ощущая внутренний трепет. Старик меня несколько пугал своими пустыми глазами. В них словно даже цвета не было толком. Да, с одной стороны это был очень удобный сосед, но иногда мне даже хотелось, чтобы он как нормальный человек проявил какие-то эмоции, наорал на меня за громкую музыку, возмутился бесконечному табачному дыму на кухне... Но он лишь молча жил в своей норе, нервируя меня тем, что я совершенно не понимал, что же творится у него на душе, и творится ли там вообще хоть что-то. Иногда я заходил к нему по разным бытовым поводам, но каждый раз не мог понять, чего я желаю больше: предпринять очередную попытку расшевелить соседа и понять о нем хоть что-нибудь, или же напротив, пройти мимо его тихой обители, постаравшись вовсе забыть о его существовании. В этот раз все произошло, как и всегда – лёгкое волнение, минута промедления, стук в дверь и подспуд-

ная надежда, что никто не откроет. Затем неспешное шарканье старых тапок по полу и пустой невыразительный взгляд куда-то мимо меня. Несколько попыток объяснить причину беспокойства, нарастающее чувство нелепости происходящего. И наконец, быть может иллюзорное ощущение контакта, ведь несчастные ловушки он все же взял, но взгляд его оставался таким же пустым и я не был уверен, понял ли он, чего именно я от него хотел.

Теряя энтузиазм, я прошёлся по остальным комнатам. Валентины дома не оказалось, пришлось договариваться с ее старшей дочкой, которая как раз играла в коридоре. С тараканом. Да, эта девочка явно не страдает инсектофобией. Даже завидно немного.

–А зачем же их травить?

–А с ними так играть проще, убежать не будут – нашёлся я.

Бабуля воспринял мою инициативу в штыки.

–Чегой то ты за отраву мне подсовываешь, извести меня хочешь?

–Нет, ну что вы, это на людей не действует, только на тараканов!

–Конечно-конечно, я сейчас у себя в комнате поставлю, а оно мне воздушшек весь отравит, ишь что задумал?? Да иди ты со своим ядом!

И милая бабуля, запустив коробок с ловушками мне в лицо, захлопнула дверь. Отлично...

Андрей хоть агрессии и не проявлял, но и в существова-

ние тараканов верить отказывался.

–Дык нет здесь насекомых то, показалось тебе.

Переубедить его оказалось невозможно... вот зараза! Как монстров несуществующих, так видит, а насекомых значит, не существует. Чертов алкаш!

Стаса, как выяснилось, не слишком волновали вопросы наличия тараканов, но проявив уважение к моим чувствам, ловушки он обещал развесить.

Уж не знаю, кто занимается вопросами отопления, но относительно нашей квартиры они явно перестарались. Духота такая, что находиться дома почти невозможно. Видимо перебор отопительных элементов на такую малую площадь. Или черт его знает, что еще. Лучше бы было холодно, вот честно.

Плюс к этому воздух в квартире стал подозрительно влажным и все явственнее чувствовался запах болотины. Я никак не мог понять, в чем дело. По идее, в холодные сезоны наоборот должно быть сухо. Никаких протечек обнаружить не удалось. Источник запаха тоже оставался загадкой. Остальные его, кажется, не замечали вовсе, и уже стали поглядывать как на ненормального, когда я раз за разом исследовал коридор, водя жалом, чтобы понять, наконец, откуда несёт этой мерзостью.

Дошло до того, что я стал стараться проводить дома как

можно меньше времени, ибо духоту переношу очень плохо. Заниматься в таких условиях просто невозможно, мозг отказывается воспринимать информацию, а я банально засыпаю над книгами. Жаль, что погода в Питере не располагает к долгому нахождению на улице. Из-за этого приходится постоянно искать себе местечко, где светло, тепло и тихо. Позволить себе кафе каждый день я не мог, так что иногда занимался идиотизмом в духе катания на метро из конца в конец, либо просто сидел в подъезде. Это дико раздражало, ведь комнату я снял не для того, чтобы неприкаянно болтаться по улицам.

Хуже всего было ночью. Двор-колодец превращал форточку в бесполезное устройство, не дающее абсолютно никакого облегчения. В итоге я тратил уйму времени на то, чтобы уснуть и меня снова мучили кошмары, теперь связанные с недостатком воздуха. Я постоянно тонул в болоте, либо задыхался под тяжестью придавившей меня плиты, а временами задорно, но без особого успеха убегал от маньяка, мечта всей жизни которого сводилась к тому, чтобы придушить простого русского студента Пашу. Наутро после таких приключений я просыпался разбитый и злой, к тому же мучимый легким чувством тошноты. И начинал свой ежедневный ритуал поиска источника проблем, укрепляя в соседях мысль о том, что я начинаю съезжать с катушек.

Исследуя коридор, я традиционно натыкался на таракашку-другую и злился еще больше. Столько денег уже спустил

на отраву, а толку никакого. К тому же, остальных, похоже, не напрягало подобное соседство, воевать приходится в одиночку. Мало того, что траты на мне одном, так некоторым сложно оказалось даже расклеить несчастные ловушки, которые я раздал! Неужели самим нравится жить в тараканнике??

Абсолютное безразличие, которому я поначалу радовался, все-таки меня взбесило. Видимо все хорошо в меру. Темно в коридоре? Всем плевать, пока я самолично не вкручу лампочку, все останется как есть. Тараканы? Ок, пусть будут тараканы. На кухне отвалилась дверца шкафчика, которым ВСЕ пользуются? Ну и ладно. Я устал устранять все бытовые проблемы один. Они мелкие конечно, но в таком количестве уже выводят из себя. Да и просто несправедливо, что из шестерых взрослых обитателей лишь один пытается что-то делать.

Наверно больше всего негодования вызывало, что даже Стаса укусила муха-всеравнуха. Порой мне казалось, что в этом доме поселился вирус «пофиг». Ладно, Василий, ладно Валентина, они изначально были пришибленными, ладно Андрей – алкаш и есть алкаш, но Стас?? А бабуля! Это же нонсенс! как вспомню, как она нас гоняла поначалу, так поверить не могу в то, что бессловесная тень, на данный момент являющаяся моей соседкой и та бой-бабка – одно лицо. Она даже ловушками в меня больше не кидалась, при следующей попытке – просто взяла без слов упаковку и все!

Хорошо хоть на меня этот «вирус» не подействовал. Во мне скорее бурлила злость.

В тот утро я впервые узрел таракана в своей комнате. Ну все! В коридоре я еще готов их терпеть, даже с кухней почти смирился, хоть и расплодилось их там великое множество. Но только не в моей норе!

Кипя от негодования, я отправился на кухню, сделать то, на что раньше не хватало совести. Я много раз просил соседей разобрать свои полочки с продуктами и хранить все, что может заинтересовать гадов в закрытых пакетах, просил убирать чертовы крошки и мыть за собой посуду после, а не перед едой. Как нетрудно догадаться, всем было плевать. Что ж, если люди не в состоянии выполнить вежливую просьбу, значит, сделаю все сам. Рассадник тварей явно где-то там. Где ж ему еще быть?

Влетев на кухню, я обнаружил там Василия. Он неспешно, как обычно, сооружал себе завтрак. Я начал возмущенно вещать о том, что мне все надоело, и я намерен вышвырнуть к чертям все, что может быть воспринято тараканами как внусности, но замолчал на полуслове.

–Василий Петрович?

Не замечая моего обращения, как и всего, что я говорил до того, сосед продолжал размеренно готовить пищу.

–Василий Петрович!!!

—А? — вздрогнул тот и наконец, обратил на меня внимание.

—У вас по руке таракан ползет! Сейчас в еду попадет...

Новость не произвела на него никакого впечатления, и он вернулся к своему занятию, даже не стряхнув с себя насекомое... насекомых. Я узрел и еще одного гада, преспокойно разгуливающего прямо по Василию. Нет, я все понимаю, конечно... Но не все. Таракана свалившийся в тару с едой спокойствия Василия тоже не нарушил. Меня слегка передернуло.

Понимая, что говорить с нашим мастером невозмутимости смысла нет, я приступил к исполнению своего плана, принявшись беспардонно лазить по чужим шкафчикам.

Андрюшин оказался почти пустым. Стасово хранилище тоже не могло претендовать на роль гнезда насекомых, там были лишь запакованные крупы, да всякая муть быстрого приготовления, тоже, разумеется, в упаковке.

Василий, так и не обозначив, что он меня хоть как-то замечает, тем временем завершил приготовление своей бурды и удалился. Вот и хорошо, мне все же было не очень уютно копошиться по кухне в его присутствии.

Я продолжал поиски источника мерзости, хотя настроение уже немного улучшилось. Дело в том, что свои продукты я храню на полке как раз между теми, что принадлежат Андрею и Стасу. Валентина, Василий и Марья Витальевна занимают полочки, находящиеся в другом углу кухни. По край-

ней мере, основной рассадник не слишком близок к моим скромным запасам, что уже радует. Эх, была бы комната хоть немного больше, там бы все съестное и хранил!

Марья Витальевна содержала свой шкафчик и идеальном порядке. Значит Василий или Валентина... У последней тут же обнаружилась живность. Шуганув гадов, я принялся швырять в мусорный пакет раскрошенные печеньки, несколько кусков плесневелого хлеба и прочие мелочи, не имевшие упаковки. Благо их было не очень много. Затем я вытащил все содержимое шкафа, тщательно вытер крошки и вернул на место большую часть продуктов. Возмущение потихоньку начинало уходить, и я начал испытывать все больше сомнений в том, насколько мои действия адекватны и приличны, но решил все же довести дело до конца.

Оставалась лишь полка Василия. И для ее описания цензурные слова подбираются с трудом. Что ж... Хорошая новость – я нашел гнездо. Плохая новость – меня сейчас вырвет.

Я захлопнул дверцу, глубоко вдохнул и обреченно последовал к себе, дабы взять баллон с отравой. Как бы так сделать, чтобы насекомые не успели разбежаться по всей кухне? Я не горю желанием вдруг оказаться в эпицентре Армагеддона.

Я не придумал ничего лучше, чем молниеносно впрыснуть средство от насекомых и тут же захлопнуть дверцу, наслаждаясь мыслями о тараканьем апокалипсисе. Не учел я

одного – мебель старая и задняя стенка слегка отходит, давая гадам возможность для побега. Передохнуть то они передохли, но я надеялся на аккуратную кучку трупов в пределах одной полочки. Что ж. Я обломался.

Убирать остатки гнезда и его мертвых жителей было крайне противно. Душу грела лишь мысль о том, что это конец тараканьей цивилизации в нашей кухне. Наконец, я убрал из схрона Василия абсолютно все и на всякий случай еще разок обработал все ядом.

Не понимаю я людей иногда. Он же там хранил еду! Как можно было не заметить логово насекомых?? Как можно питаться тем, что истоптали тараканы?? Хотя о чем это я? Только что же наблюдал, что он готов питаться не только рядом с тараканами, но и самими тараканами... Странный мужик Василий. Мне всерьёз кажется, что с головой у него беда.

Завершив геноцид тараканов, я отправился к самому «чистоплотному» соседу. Надо было предупредить, чтобы пока не клал продукты в привычное место, а то отравится еще. Не то чтобы это меня расстроило, но ответственность брать на себя не хотелось. Уверенности, что он меня поймёт, не было, но для успокоения совести надо было попытаться.

Как всегда, на стук он реагировал неспешно. Как всегда, долго пытался (или не пытался) понять, чего я от него хочу. Повторив раз 20 свою простую мысль о том, что в шкафчике его было гнездо насекомых, которое теперь уничтожено, что прежде чем класть туда продукты, стоит подождать и хоро-

шенько все помыть, я собрался было уходить, но кое-что меня остановило. Запах! Тот самый тошнотворный запах бо-лотины, источник которого я все не мог обнаружить.

Я, не спрашивая разрешения, влетел в комнату Василия Петровича. В первый раз я переступил порог его жилища. Я, конечно, не ожидал евроремонта. Даже представлял, что она окажется грязной и обшарпанной. Но... не настолько!

В первый миг я вообще мало что смог разобрать. Окно зачем-то было завешено серым от грязи одеялом. Свет давала лишь тусклая лампочка под потолком. Надо бы проверить проводку. В этой квартире всегда не хватает света, словно напряжения в проводах недостаточно.

Когда глаза немного привыкли к куцему освещению, я смог разглядеть кривоногую кровать с грязным продавленным матрасом, облупившийся шкаф с криво висящей дверцей, затертое сальное кресло, уже неведомо какого цвета, покосившуюся тумбу, на которой стоял телевизор, покрытый таким слоем пыли, что изображение было не разобрать. Пыли здесь вообще было много. На полу, на мебели, на стенах, кажется, даже на самом хозяине.

Затем я начал различать черные ошметки паутины под потолком, тарелки с остатками сгнившей еды по углам, кое-где уже со следами новой жизни... также заметил и разросшуюся чёрную плесень на одной из стен. Стараясь не поддаваться накатившей брезгливости, я подошёл ближе, спугнув при этом несколько мокриц. Стена была влажной и склиз-

кой, особенно ближе к потолку. Наверно нарушилась целостность труб над этой комнатой? Как ещё можно это объяснить? Не фатально, потопа не было, но влажность возникла ощутимая. С учётом ароматов плесени, гнилой пищи, пыли и даже не хочу знать чего еще, а так же полного отсутствия проветривания, эффект получался убийственный. Дышать было невозможно. КАК?? Как он находился здесь целыми днями??

–ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ!! Да твою ж мать!! – я уже не мог говорить с соседом спокойно – очевидно же, что над вами неполадки с трубами, у вас же уже плесень по всей стене!! В квартире влажность невозможная от вашей комнаты! Что ж вы не делаете-то ничего??

Он никак не отреагировал ни на мое вторжение, ни на мои вопли. Все это время он так и простоял на одном месте, даже в лице не изменился. Это уже реально напрягало. Махнув рукой, я просто ушел к себе. Злость перегорела. Я внезапно почувствовал сильнейшую усталость. Не хотелось делать уже ничего. Я просто рухнул на свой старенький диван и долго просидел в оцепенении. Не укладывалось у меня в голове увиденное. Не хотелось больше возмущаться, не хотелось думать, что такая гадость творится так близко от меня, не хотелось уже пытаться что-то исправлять.

Через несколько дней у меня состоялся неприятный раз-

говор со Стасом. Я агитировал его вместе бомбардировать звонками коммунальщиков на предмет этих несчастных труб, а заодно на предмет недостаточности света.

– Ну хоть ты помоги, я устал сам заниматься всей этой бытовухой!

– Да ты надоел уже всем, дай хоть день пожить спокойно! То тараканы у него, то еще что! Нет у меня времени этим заниматься! Мне учиться надо, и тебе кстати тоже!

– А я не могу заниматься в таких условиях! Света не хватает, дышать нечем, от Петровича плесень ползёт...

– Всем нормально, а тебе нет. Все, надоел. Оставь меня в покое!

В чем-то Стас был прав, я действительно забросил учёбу. Думал, решу бытовые сложности и в благоприятных условиях нагоню все, что пропустил. На деле же я просто погряз в бытовых вопросах, обзавёлся «хвостами», а лучше не стало. Тараканы, не смотря на все усилия, продолжают преспокойно дефилировать по кухне. Жилищная контора обещала разобраться с протечкой, но ничего не изменилось. От Василия как распространялась влажная гниль, так и дальше продолжает отравлять воздух. Электрик, которого я вызвал, заявил, что никаких проблем с проводкой у нас нет. Он, кажется, вообще не понял суть моих претензий. И действительно, кроме меня никто не жаловался.

Но ведь я не виноват, что хочу жить в человеческих условиях! А именно за это я и слышу обвинения все чаще. Вот

даже Стас говорит: надоел. Обидно.

Я решил временно переключить внимание на учёбу. Если я продолжу все силы бросать на попытки благоустроить эту несчастную квартиру, то рискую вылететь из универа. Уже сейчас мне грозит недопуск к двум зачётам, чего раньше со мной никогда не случалось.

Расстроенный ссорой со Стасом я вернулся к себе. Нужно скинуть хотя бы часть долгов. Как всегда, дело шло туго. Собраться с мыслями для написания несчастного реферата было невероятно сложно. Я уже начинал подумывать о том, чтобы съехать, но денег на другую комнату не было. А как только я представлял, что возможность остаться одному вновь станет редкой роскошью, тут же отбрасывал эти мысли.

За работой я просидел до самой ночи. И сделал куда меньше, чем хотелось бы. Это начинало меня пугать. Раньше единственной проблемой было заставить себя заниматься. Я мог до последнего откладывать подготовку к экзаменам, написание рефератов и прочего, но если уж взял себя за шкуру, то осиливал огромный объем работы в весьма сжатые сроки. А вот сидеть часами и скрипеть мозгами над несложными в общем-то вещами... такое не про меня. И хватит ли мне времени с таким неповоротливым мозгом – уже вопрос.

Понимая, что качественнее я все равно не напишу, а вставать рано, я лёг спать. Утром кое-как собрался. Почему-то долго не мог найти дорогу до универа, хотя, казалось бы, за

столько времени мог бы уже с закрытыми глазами пройти. Наверно виновата погода: дождь, темнота, почти ничего не видно, а мелкие капельки придают окружающему миру какую-то сюрреалистичность. В итоге я прилично опоздал. Как назло этот препод относится слишком серьёзно к пунктуальности, а мне ему еще сдавать убогий реферат. Не лучший расклад, с учётом того, как я туго соображаю. Даже не могу понять, что он спрашивает. Голос слышу, отдельные слова понимаю, а смысла вопроса уловить никак не могу. Снова и снова. Наконец, он теряет терпение.

– Что такой тугодум делает в высшем учебном заведении? Ты недостойн здесь находиться! Это позор для университета! – с этими словами он начинает меня душить.

Через несколько мучительных мгновений я просыпаюсь. Как же я устал от этих бредовых кошмаров! Чёртова духота!

К счастью в реальности все прошло не так плохо. Избавившись от тяжести хотя бы одного долга, я несколько воодушевился. После пар решил задержаться в библиотеке, все же там заниматься несколько легче. Вероятно, поскольку ничто не отвлекает.

Домой вернулся уже вечером. После целого дня вне квартиры особенно чувствовался тошнотворный аромат болота из комнаты Василия, распространяющийся по всему жилищу. Неужели никто больше его не замечает??

Через несколько дней я проснулся от диких воплей и даже не сразу понял, что вообще происходит. Крики в нашей квартире дело крайне редкое, особенно с тех пор как я лишился всех помощников в вопросах быта и агрессивных преобразований больше не было. Ирка, обиженная на Валентину, категорически отказалась принимать участие в подобной активности. К моему особому сожалению переделать свой рисунок на стене коридора она тоже отказалась, и нелепый сказочно-монстроидный пейзаж похоже таковым и останется в вечности. Это удручало вдвойне: и как напоминание о неприятном инциденте, и как просто очень неприятная картинка, вызывающая не самые радужные эмоции. Черт разбери что такое, лишенное всякой эстетики. И пугаться не выходит, и умиляться тем более. Стас тоже самоудалился от всех ремонтных работ и раздражался на любую просьбу. Да, честно говоря, и я уже устал как черт плескаться в болоте бытовухи и пытаться что-то сдвинуть.

Квартира постепенно вернулась в изначальное тихое грязенькое состояние. Удивительно быстро треснул плафон на новой люстре. Удивительно скоро свежие занавески покрылись пылью и обзавелись непредусмотренными дизайном отверстиями. Дверь ванной снова обросла какой-то убогой тряпкой. А старательно подкручиваемые моими же руками дверцы шкафчиков, словно издеваясь, покосились ещё больше, чем раньше.

У Василия и Валентины больше не было поводов для

недовольства. Именно поэтому громкие возгласы с утра пораньше и стали для меня полной неожиданностью. Я долго не мог идентифицировать голоса шумевших. Потом наконец дошло – Ирка визжала с мелодичностью перфоратора, временами прерываемая гроулом Стаса. Вот это да! никогда бы не подумал, что эта тихоня так может... еще и матом кроет весьма профессионально!

Если постараться перевести это на более или менее приличный уровень, то получалось, что ей надоела жизнь в коммуналке и она ждала от Стаса большего рвения в плане добычи финансов. Не для того она родительский дом покинула чтобы жить в раздолбаной комнате и терпеть унижения от мерзких соседок. Парень в свою очередь отвечал, что золотых гор не обещал и вообще устал учиться и работать за двоих, что могла бы она и сама ему помочь в зарабатывании на жизнь, тогда бы может и на квартиру хватило. На что Ирка включила песню «мужик-обязан», на что Стас зарядил «21-век-равенство-вали-работай-или-заткнись» и все это громко, по кругу, с чувством.

Я вздохнул и смирился с тем, что мечты о долгом здоровом сне придется временно отложить. Я не камикадзе, чтобы сейчас идти и просить их сбавить звук. Они при этом конечно могут резко объединиться и начать бить меня как пара, но, пожалуй, поиграю в Купидона в другой раз...

Спустя вечность Стас, наконец, вылетел из комнаты и помчался на кухню курить. Из комнаты доносились уже еле

слышные через стены всхлипывания.

За последние дни я еще несколько раз становился невольным слушателем чужих разборок. Кажется, у Стаса с Ирккой отношения накренились уже всерьез. Тот первый скандал оказался далеко не разовой акцией. Не то чтобы мне было какое-то дело до их любовных дел, но крики начинали утомлять. Особенно учитывая, что их комната находилась через стену от моей. В любое время суток обычную вату тишины нашей квартиры вдруг начинали прорезать их вопли.

Я до последнего оттягивал момент, когда придется подойти к нервной парочке и просить визжать потише. Не хотел попадать под горячую руку, да и вообще портить отношения желания не было. Стас нервный, у меня с нервишками тоже стало хуже, могу и слишком грубо высказать свои пожелания. Но терпение иссякло. Я очень плохо перевариваю шум.

Когда после очередных криков Стас удалился курить на кухню я вышел туда же.

– Что, совсем плохо?

– Ты о чем?

– Ну как тебе сказать... Звукоизоляции в нашем дворце не предусмотрено.

– Аа... Извини за шум. **НО Я НЕ МОГУ СПОКОЙНО РЕАГИРОВАТЬ НА ЕЕ БРЕДНИ!!** – парень молниеносно вышел из себя, лишь слегка коснувшись в разговоре темы их

разногласий.

– А что такое?

– Да блин... Мало того, что орет, что я зарабатываю мало типа, хотя я ее предупреждал, что совмещая с учебой пока больше не получится, я сука честно все сразу рассказал, прежде чем мы съехались!!! На что она теперь в обиде??!! Так теперь у нее новая шиза – хочет уехать из этой квартиры! А где я ей достану другую комнату за такие деньги?? А на новом месте ей опять что-то не понравится!

– А что ее здесь не устраивает? По большому счету не самая ужасная коммуналка тут, с учетом цены, конечно. Смысл менять шило на мыло?

– Энергетика тут плохая. Василий ее пугает.

– Ууууу... Энергетика говоришь. Да уж, шиза. И где ж ей доставать комнату с хорошей? А как проверить?

– Ладно, не издевайся... Бесит меня эта ересь. А она на полном серьезе. Амулетов каких-то накупила. Жалуется, что еду покупать не на что, а сама на ерунду потратила кучу денег! И теперь еще мне мозг ест, чтобы я мебель всю по феншую переставил, прикинь?

– Ну может лучше переставить? Авось уймется.

– Ага. Щас. Я ж пробовал. Только ей постоянно что-то не нравится. Я на десятой перестановке устал. Понял, что смысла все равно нет. Вчера у нее все плохо было, потому что кровать не тем углом к востоку, сегодня ей зеркало не там висит, завтра ей цвет стен кажется основной угрозой.

– Сочувствую...

– Не знаю, что делать. Вроде нормальная ж девка была. Ну шуганная, это да, но это даже умиляло. А сейчас абсолютная мегера и дура. Слушает бредни, что Андрюша несет по белочке, читает какую-то эзотерическую херню, а потом радостно выносит мне мозги. Прости за крики. Но я реально зверею.

– Да ладно. Я бы наверно при таком тоже озверел.

Он вздохнул и вышел из кухни. Злость на него улетучилась, слишком уж несчастным парень выглядел.

Наконец мне удалось разобраться со всеми учебными долгами, и призрак отчисления перестал преследовать меня в кошмарах. Одна беда – чем больше времени я проводил вне дома, тем сложнее было возвращаться. Тараканы, полумрак, сырость, вяло-недовольные рожи соседей уже на пороге окутывали непрошибаемым унынием.

В тот день я вернулся домой раньше обычного, и классический побег в сон оказался неактуален. Возвращаться к своим радужным начинаниям в плане уборки и мелкого ремонта я больше и не думал, ну на фиг. В итоге я просто сидел в своей комнате, лениво пробивая апатию размышлениями, чем бы таким себя занять. В таком состоянии и застал меня Андрей, вдруг ввалившись в дверь, которую я забыл запереть.

– Здорова братан! Чего грустишь тут один? Пошли ко мне, выпьем?

Мне же было настолько тоскливо, что впервые я принял это предложение. Андрюша, кажется, и сам удивился. Мы направились к нему. Несмотря на своеобразные отношения с бутылкой, он умудрялся держать свою обитель в весьма приличном виде. Признаться, после моего вторжения к Василию, я уже начал опасаться заходить к соседям. Но комната Андрея никаких ужасов не хранила, здесь было даже как будто светлее, чем у меня. Я присел за столик. Старенький такой столик, но не шаткий и даже не грязный.

Хозяин тем временем выставил стаканы (опять же – чистые!) и поставил бутылку какой-то дешёвой дряни. Налил, протянул мне одну порцию, произнёс какой-то ничего не значащий тост и мы выпили. Подозрительного вида пошло неплохо пошло. Даже настроение немного улучшилось.

– Так чего ты грустный сегодня, соседка?

– Тараканы бесят. Влажность бесит. Свет тусклый бесит.

– Да нормальный свет – Андрей указал на действительно яркую лампочку под потолком. И тараканов я особо тут не видал.

– Везёт... ладно, черт с ними.

Когда мы уже неплохо проспиртовались, я стал засыпать Андрея вопросами.

– Скажи, а ты давно здесь живёшь?

– Так.. Мне сейчас 41. Комната мне в наследство доста-

лась, когда 24 стукнуло, вот и считай.

– 17 лет получается? Давненько. А Василий тут сколько?

– Я когда въехал, он уже тут жил, но вроде ненамного раньше меня поселился.

– А он всегда таким был?

– Каким?

– Ну.. Пришибленным. Заторможенным. И это... пыльным.

На последнем слове я пьяно хихикнул.

– Да нет. Он тогда новую жизнь начинал. Приехал из другого города, не помню уж откуда. Продал там квартиру, комнату здесь купил. Планы у него были грандиозные. Мы с ним много общались тогда. Я молодой совсем, а он мне что-то вроде старшего товарища. Увлёк меня своими идеями.

– Ты точно о нём? Как же он в такую развалину превратился??

– Хе, так и я как видишь не элита общества. Здесь по-другому не получится. Сбежать не выходит. Алкоголь хоть немного ослабляет его влияние...

Я вдруг перестал понимать, о чем он говорит.

– Чего?

– Может и есть другой способ, но я не нашёл ничего кроме бутылки...

– Андрюха? Ты о чем?

– Если попал под его влияние – все. Не отпустит!

– Андрей!

Но сосед вдруг положил голову на стол и моментально захрапел. Тьфу ты!

Мне ничего не оставалось, кроме как покинуть его комнату и вернуться к себе. Не смотря ни на что, я был благодарен за вечер. Все же не так тоскливо как одному медитировать у себя.

Кажется, я опять заболел. Иного объяснения своему состоянию не нахожу. Не хочу ничего делать. Нет сил даже поест, даже выходить в туалет. Заставляю себя шевелиться с огромным трудом. Что со мной происходит? Сложно сконцентрировать внимание на определенной мысли... В комнате бардак. Появился паршивый запах. Заглядывают в гости расплодившиеся на кухне тараканы. А я не могу даже просто утащить грязные вонючие тарелки на кухню.

Сижу. Залипаю. Слушаю вполуха уже привычные вопли из соседней комнаты. Кажется, теперь Ирку не устраивает грязь. Убираться она тоже не желает, предпочитая тратить энергию на скандалы. Нерационально, однако...

Мне. Необходимо. Унести. Грязную. Посуду. Через пятнадцать минут после этой здоровой мысли ловлю себя на разглядывании уродских цветочков на обоях. Становится страшно. Обещаю себе больше не пить.. По крайней мере, дешевый алкоголь у Андрюши. Хотя не может же эта дрянь держать меня несколько дней! А кстати, сколько дней?

Из очередного приступа оцепенения, меня вывели крики. Я наверно не обратил бы внимания, если бы скандалила опять Ирина, но в этот раз вопли доносились из-за двери Валентины. С определенной задержкой, ибо мысли оставались тягучими и неповоротливыми, я осознал, что орет она на свою дочь, которая, судя по всему, находилась уже в абсолютной истерике. Услышав громкие шлепки, я даже сквозь свое желеобразное состояние подорвался со скоростью улитки вмешаться.

Ввиду неторопливости моих действий, меня опередили. Когда я добрал до комнаты нашей психической там уже был Андрей, который с успехом умудрился перевести ярость бабы на себя. Понимая, что мое вмешательство скорее навредит, я не стал предпринимать никаких действий и удалился на перекур. Вскоре на кухне показался Андрей. Я начал возмущаться поведению Валентины, но он меня резко прервал.

– Не торопись осуждать. У нее все же дочь недавно умерла.

Я чуть насмерть не подавился.

– Чего??!!

– Младшая. Сонечка. Два дня назад погибла. Со здоровьем проблемы, говорит. Конечно... Он вообще страх потерял! Уже и за детей принялся. Ладно нас жрет.. хотя ведь и вы, студентики, разве заслуживаете? Хорошо хоть Ирка ум-

ная – сопротивляется!

– Тьфу на тебя! опять бредишь гад, а я уж испугался..

Конечно, я ему не поверил. Было странно предположить, что я мог не заметить такое прямо у себя под носом. Тем более Андрияша и здесь намешал своих любимых галлюцинаций. Хоть бы новое что придумал. Или как нормальный алкаш от чертей бегал. А то унылый у него больно персонаж получился. Вечно вещает про загадочного НЕГО (произносить с максимальным драматизмом), который, образно выражаясь, ест людей. Жизнь такая людей ест, а не монстры. Грязь и нищета, помноженная на массовый пофигизм. Дополнительно раздражало, что Ира по прежнему развешивала уши и сходила с ума со своей шизотерикой. Уже по всему коридору каких-то жутковатых амулетов навешала. Лучше бы помыла его лишний раз!

Я спокойно удалился к себе, уверенный, что никаких смертей у нас не было. Однако вечером трагическую новость подтвердил и Стас. Я был в шоке. Это что со мной такое, что я ничего не заметил по соседству?! Девочка умерла дома, была скорая, должны были быть и реакции эмоциональные от мамы! Но как ни старался я не мог припомнить ничего подобного. Кажется, я временами полностью выпадаю из реальности. Это страшно.

Я рвался сбежать от бесконечного общения. Но, похоже,

перестарался. Меня стало мучить одиночество.

И появилось дурное ощущение тошноты от самого себя. Я стал ненавидеть выходные. Деть себя было некуда. Выходить из дома лениво, находиться в квартире невыносимо. Я выбирал попеременно то первый, то второй вариант и неизменно день получался отвратный.

В то утро я как раз размышлял какой унылый сценарий выбрать на этот раз. В соседней комнате как всегда ругалась наша придурочная парочка. Задолбали. Или решили бы свои проблемы раз и навсегда или разошлись, наконец. Голова трещит от их визгов. Мало мне тут Валентины, которая, похоже, совсем с катушек слетела. Тоже сука заткнуться не может! Горе у нее. И что теперь, надо доводить до истерики оставшуюся дочь а заодно и соседей? Овца.

Сколько еще Ира будет объяснять Стасу, что он урод ничемный?! Я уверен, он уже запомнил. И я запомнил. И каждый житель этого проклятого дома наверняка тоже давно в курсе, что Стас урод. Что ж ты с этим уродом живешь до сих пор? Ужасно бесил этот визгливый истеричный голос. Высокий, тонкий и болезненно проникающий в самую глубь мозга. Я испытывал почти непреодолимое желание зайти и ударить ее каждый раз, как она начинала верещать.

Ух ты! Кажется, не только я. Очередная трель внезапно затихла после вполне узнаваемого шлепающего звука. Я довольно заржал. Давно пора.

прислушался. Похоже эта дурища наконец-то собирала

свои тряпки и решила покинуть нашу квартиру. Надеюсь, навсегда.

Вечером я осторожно зашел к Стасу проверить свои догадки. Я все же допускал вероятность того, что принимал желаемое за действительное. Но нет. Он действительно не выдержал и дал ей в лицо. А она действительно смертельно обиделась и свалила в закат.

Я постарался не показать свою радость и изображал насколько мог сочувствие.

Стас тем временем рассказал, что именно довело его до пусть и легкого, но рукоприкладства. Раньше он себе такого и в мыслях не позволял. Оказалось, что его курица так и не бросила свои идеи о поганой энергетике нашей обители. В принципе это было довольно очевидно, поскольку даже места общего пользования были увешаны разнокалиберными «защитными» штучками. С этим-то парень смирился давно. Но когда его дама отдала все, абсолютно все их деньги (да еще и обрадовала Стаса, что они должны остались) какому-то «экстрасенсу»... Понимая, что заработанное им в одно лицо улетело мошеннику, что за комнату платить нечем, а эта курица считает, что она молодец... не мудрено было сорваться. Так что парня я не винил. И даже очень понимал. А про себя радовался.

Радовался я зря. Стас, расставшись со своей леди, стал аб-

солютно невыносим. Чувствовал я себя паршиво, покидать квартиру было тяжело. Звать кого-то к себе было стыдно, уж слишком грязно и уныло стала выглядеть моя комната. Но одиночество грызло и очень хотелось общения.

В конце концов, я перестал выпендриваться, и почти с удовольствием ответил на предложение Андрея посидеть у него за рюмкой чая. В этот раз меня даже не слишком бесили его рассказы. Я особо даже не прислушивался, пока Андрей не заявил

– Васятка то давно мертвый

– В смысле?? И он тоже??

– Да он уж лет 10 мертв. Ну ходит. Ну ест. Даже изредка разговаривать пытается. Но нет в этом больше Василия. Всё! И Валентина почти всё. И от меня мало что осталось. Но я видимо не особо вкусный, меня меееедленно жрет. Я это к алкоголю привязываю, но сдаётся мне, иная причина. А вот Стасик ему по нраву, с ним оперативно работает... А потом и за тебя как следует возьмётся. Пока только парализует потихоньку. А Марьюшку скушает между делом, бабуля ему на один зуб.

– Тьфу на тебя. Ну что ты опять начинаешь?

– А скажешь тебе не знакомо состояние, когда настроение становится все более паршивым? Ничего не получается? Нет сил, а голова начинает работать едва-едва? От этого берет злость, но и она быстро проходит, сменяясь апатией...

Здесь я уже начал прислушиваться. Уж больно то, о чем

вещал Андрей, было знакомым.

– Знаешь, ведь в каждом доме чувствуется что-то особенное. Запах, свет, звуковая дорожка, черт знает что еще. И все это составляет свой дух, свою атмосферу, свою энергию. Настроение квартиры так сказать. Не знаю, как еще назвать, чтобы точнее. Причём не всегда это связано с ремонтом или его отсутствием.

– Ну... есть такое.

– Вот и у нас тут своя атмосфера. Болотная. Кто ни поселится – всех затягивает. Приедешь с желанием изменить мир, а через какое-то время обнаружишь себя васеподобной развалиной, которой не то, что мир менять, свою комнату убрать ни сил, ни желания не хватит. И каждая такая метаморфоза усиливает и увеличивает наше болото. Поначалу-то так, лужица образовалась. А теперь такая трясина, что не выберешься. И, похоже, еще и разумная... Ты поглядывай на Стаса. И помни – за тебя он возьмётся сразу после.

Я вернулся к себе и к своему стыду на этот раз никак не мог выкинуть из головы такие привычные страшилки алкоголика. Похоже, грязь, уныние и бесконечные кошмары в конец расшатали мне нервную систему.

Захотелось заглянуть к Стасу. Убедиться, что с ним все в порядке. И при этом я ругал себя за дурость. Старался отвлечься, но не получалось ни на чем сосредоточиться. Проведя часок другой во внутренней борьбе, я таки направился к соседней комнате.

Выглянул в коридор, в это же время Стас направился в сторону туалета. Разговор я затевать не стал. Повод так и не придумал, а парень явно жив. Признаваться же, что меня тронули бредни Андрея, я не собирался. Особенно учитывая по какой причине парень расстался с Ирой.

Вопреки здравому смыслу, мне становилось все более жутко. Мне впервые *захотелось* распростиь Андрея подробнее! Он рассказывал одно и то же сотни раз, но я никогда не слушал его внимательно. А тут вдруг накрыло.

Я постучался в дверь Андрея. Никто не открыл. Нашёл время уйти! Ладно, зайду позже... Подумав немного, я оставил на двери записку «Загляни ко мне, как вернёшься. Па-ша».

Оставаться в квартире было нервно, и я решил прогуляться. Жаль с погодой не повезло, ветер ледяной. Спустя 20 минут я был чертовски зол на самого себя. Что со мной происходит? Что за нелепые страхи?? Какого лешего я свалил из дома и мерзну здесь как идиот?

Раздраженный и пристыженный я помчался домой, греться. По пути снял нелепую записку для Андрея, который так и не вернулся. Поставил чайник, очень хотелось залить в организм что-нибудь горячее. В ожидании пока закипит вода, мерил шагами кухню, продолжая злиться.

За те пару минут, пока я ждал кипятка, мою кружку успел

посетить неожиданный гость. Опять эти несчастные тараканы! Откуда на этот раз??

Я принялся бешено исследовать кухню в поисках очередного источника тварей. Стас!! Твою ж дивизию! Просил же следить, что б гадам доступа к жратве не было! Сука, я за долбался деньги впустую тратить. Какой смысл, если всякие засранцы суют в шкафы грязную посуду?!

Кипя праведным гневом, я помчался к Стасу. Никто не открывал. Я со злости пнул дверь. Она оказалась не заперта. Из комнаты повеяло холодом. Никого не было. Окно нараспашку. Я осторожно вошёл. На столе был клочок бумаги. «БЕГИ». Я выглянул в окно. И увидел то, чего больше всего боялся. Стас... Какого черта, Стас?? Неужели из-за Иры? Или... Злость перегорела. Навалилась апатия. На подоконнике я заметил тонкую школьную тетрадку, на обложке которой значилось: «Паше».

Я не стал предпринимать никаких действий, никого не стал вызывать. Лишь забрал тетрадь со своим именем, да схватил записку со стола. Затем ушёл к себе в полной прострации.

Не хотелось думать, анализировать. Не чувствовалось ни грусти ни страха. Пустота. Абсолютная. В таком состоянии я пробыл удивительно долго. Несколько дней, может, неделю, может, и больше. Только банальные витальные потребности заставляли меня хоть как-то шевельнуться, но разум во всем этом принимал участие слабо.

Я просыпался. Лежал. В какой-то момент шел на кухню. Готовил себе что-то элементарное. Ел не чувствуя ни вкуса пищи, ни омерзения от наличия орд насекомых и нечистоты посуды, мыть которую не утруждался. Возвращался к себе. Сидел. Иногда ел еще раз. Но чаще просто зависал до вечера и ложится спать. Сны были бессодержательными. Помню лишь, что какие-то коричневые, ржавые, болотные... Иногда снилось, что хожу по квартире, пытаюсь найти выход, но умудрялся заблудиться в одном коридоре, который, как и всё в моих снах, был темным, грязным, влажным, склизким и ржавым.

Не знаю, сколько это длилось, не знаю, сколько бы продоллось еще, но однажды по пути за завтраком я вдруг услышал оглушительный крик Стаса «БЕГИ!!». В тот момент я словно проснулся. Конечно, никакого Стаса тут не было, он покончил с собой уже сколько-то там дней назад. Не знаю, что за крик меня вытащил в реальность. Был ли вообще какой-то крик? Так или иначе, я пришёл в себя. И тут же навалился ужас.

Я вновь испытал лютое желание поговорить с Андреем. Он что-то знает о том, что здесь происходит, и теперь уж я готов выслушать его со всем возможным вниманием. Дверь снова никто не открыл. В коридор вышла Валентина. Я подумал было, что она отреагировала на шум, который я поднял, пытаюсь достучаться до Андрея, но она безмолвной тенью проскользнула мимо меня на кухню. Кажется, её ярость

растворилась без следа.

Я окликнул ее. Безрезультатно. Еще раз, громче.

– А? – она, наконец, заметила мое присутствие.

– Вы не знаете, где Андрей?

– Андрей?

– Да, Андрей, сосед наш!

– Аа... – пауза – так его забрали...

– Что? Кто забрал, куда, когда?

– В полицию наверно..

– Почему??

– Вроде бы драка была... Или кража...

Я понял, что больше никакой информации добиться от неё не удастся. Ну ок. К черту все! Пора отсюда валить. Я помчался к себе, закинул в рюкзак ноутбук и первые попавшиеся под руку вещи. Побежал к выходу. Путь по коридору, который мог быть преодолен за полминуты, никак не желал заканчиваться. Я мчался уже на бешеной скорости, но дверь на свободу все не приближалась. В панике я закричал: «Выпусти меня!!». Кто бы ни был ответственен за творившиеся здесь безобразия, он явно не был впечатлен моими воплями. Дверь продолжала оставаться недостижимой.

От безысходности я начал ломиться в соседские комнаты. Заперто! Заперто! Заперто! Поддалась лишь дверь Марьи Витальевны. Я влетел внутрь в надежде на помощь, но чуть не споткнулся о тело бабули, раскинувшееся прямо у входа. Не менее молниеносно я попятился обратно в кори-

дор.

Да это же бред какой-то! Понимая, что сейчас просто сойду с ума, я вернулся к себе, чтобы хоть немного успокоиться. Рухнул на диван, пытаюсь отдышаться от бесполезного бега. Когда дыхание более или менее выровнялось, я решил предпринять еще одну попытку. Открыл дверь, вышел в коридор. Пространство преобразилось и стало копией того, что я видел в кошмарах – путь до выхода стал намного длиннее и уже, все было покрыто ржавчиной, с потолка сочилась какая-то коричневая дрянь, света еле хватало, чтобы увидеть хоть что-нибудь...

За окном был дьявольски сильный ливень, невозможно было разглядеть ничего дальше собственного носа из-за потоков воды, льющейся с неба. Льющейся абсолютно бесшумно... Не было и грохота молний, которые сверкали мутными вспышками где-то вдалеке.

Все совсем, как в моих кошмарах... Тьфу ты! Видимо я опять просто заснул! Эта мысль принесла огромное облегчение. Оставалось лишь проснуться. Но как?

Знаю! Самый надёжный способ закончить кошмар – умереть во сне. Довольный своей находчивостью я устремился к окну в конце коридора. Не поддается. Дернул дверь в комнату Стаса. В этот раз не заперто. Приблизился к окну. Распахнул. Надо же, какая реалистичность! Даже капли дождя чувствуются! А холод какой натуральный! Испытывая гордость за высокое качество своих снов, я залез на крошечный

подоконник.

– Стой! – я почувствовал, как кто-то хватается меня за плечи и роняет в квартиру.

Рядом вновь никого не оказалось. Зато, как и в прошлый раз, Стас или нечто, говорящее его голосом, привел меня в чувства. Нет, это не сон. Уж слишком реальна боль от падения на пол. И мысль о том, каким образом я должен «проснуться» не моя, чужая, кто-то подсказал мне эту «гениальную» идею.

Снова охваченный паническим страхом, я вывалился в коридор. Начал ещё один забег к выходу. И на этот раз получилось! Хотя сейчас коридор и выглядел жутко, но пройти по нему возможно!

С воплем облегчения я распахнул дверь и шагнул... в свою комнату. КАК??! Как это возможно??? А здесь все тоже успело измениться, становясь реальным воплощением моих кошмаров. Те же мерзкие давящие ржавые оттенки, грязь, слизь, темнота. Тот же бесшумный ливень за окном, создающий впечатление, что никакой улицы там вовсе нет.

Дернул дверь – заперто. Постарался выломать – тщетно. Гнилая деревяшка вела себя как танковая броня. Если удары и наносили повреждения, то исключительно мне. Я схватил телефон, набрал номер Сани – сокурсника и товарища. Гудки показались мне вечностью. Наконец, он ответил.

– Помоги мне! – бешено заорал я! – я не могу выйти из квартиры! Я сейчас...

– Эй, погоди, что-то со связью! Ни слова не понял!

Я вновь повторил свой вопль, но теперь и я в ответ услышал только лязганье.. Или скрипы? В общем, все, что угодно, но не голос Санька.

Попробовал перезвонить. То же самое. Ладно, наберу смс. Но и сообщением не удалось донести никакой информации, все буквы исходящего текста заменялись черт знает чем. В конце концов, пришёл раздраженный ответ: «Ты там бухой что ли? Мне некогда, позвони, как проспидишься». Что же делать?

Ноутбук! Интернет! Ага... который остался в коридоре. В который не попасть. Я все же на всякий случай дернул дверь. Излишне сильно. Она легко распахнулась и я шлепнулся на пол. Тут же вскочил и помчался в коридор, схватил свой рюкзак и вернулся, ибо здесь было чуть спокойнее. Вытащил ноутбук и заматерился как никогда. Он оказался разбит. Видимо убил его, когда падал с подоконника.

Дверь снова заперта. Я метался по комнате, соображая, что же еще можно предпринять. Тут я вспомнил о тетрадке Стаса. Куда же я ее дел?? Я, раскидывая вещи, принялся за поиски. Нет тетради! Нигде нет! Из коридора послышался тихий смех. В этот момент я был даже рад, что дверь заперта. Скорее чтобы отвлечься от пугающего звука, поскольку надежду на удачное завершение поиска я уже потерял, я сел посреди комнаты, закрыл глаза и попытался вспомнить, где я видел тетрадь в последний раз. Снова послышался смех, но

в этот раз он вдруг резко прервался и сменился возмущенным рычанием.

Я вскочил на ноги, испуганно озираясь. К счастью, я все еще был заперт. А прямо передо мной лежала та самая тетрадь! Я схватил ее и направился к единственному источнику мерцающего тусклого света, которым была моя настольная лампа. Она хоть и покрылась слоем ржавчины, но все еще худо-бедно работала. Сел прямо на пол. Изменения, произошедшие с моей комнатой, не обошли и мебель. Все, что было сделано из дерева, в том числе стол со стулом, стало выглядеть так, словно провело на дне болота как минимум год. Прикасаться с подобной склизкой мерзости никакого желания не было. Пол тоже не сохранил первозданный вид, но был хотя бы сухим. Я открыл тетрадь.

«Паша... Ира успела улизнуть. И я знаю, у тебя еще есть шанс. Остальных *он* захватил уже полностью. Я тоже, хоть и не полностью в его власти, не могу больше уйти. По крайней мере, живым. Он не отпускает. А ты должен бежать. Рассказать людям! Сделать все, чтобы никто больше не переступал порога этой квартиры. Чтобы никто больше не стал его пищей! Может, тогда он сдохнет?»

Не спрашивай, я понятия не имею, кто он такой и откуда взялся. За теорией, пожалуйста, к Андрею. Я сначала тоже не воспринял слова этого пьяницы всерьез, а потом все больше стал видеть – есть в его бреднях смысл».

Из коридора слышались звуки шаркающих шагов. Они

приближались к моей комнате. На несколько мгновений все затихло. А затем кто-то принялся неистово скрестись когтями по моей двери. Я замер. Спустя минуту-другую все прекратилось. Вновь стало тихо. Нечто за дверью словно исчезло. Какое-то время я продолжал прислушиваться, но больше звуков не было, и я продолжил чтение.

«Действует он в основном через настроение, потихоньку меняя внутреннее состояние. Забирает энергию, наполняет апатией и тоской. Вспомни первые впечатления о квартире: нормально ведь показалось? Нет ремонта, некрасиво, но вполне жить можно. Мне, по крайней мере, сначала здесь понравилось. А затем постепенно все как будто стало более темным, более грязным, более тяжелым. И состояние менялось точно так же. Появлялись иногда вспышки гнева, словно разум, таким образом, пытался защититься. Но он сжирал этот гнев, ведь это энергия. И вот ты уже не носишься в попытках что-то исправить, а сидишь унылым овощем.

В конце концов он не оставляет ничего от прежней личности. Это особенно хорошо видно на примере Василия. Безвольная оболочка, единственные действия которой направлены на поддержание подобия жизни. Не знаю лишь, как Андрей продержался так долго. Вариант, что алкоголики менее «вкусные» кажется мне несостоятельным. Он тоже искалечен, но в нем еще немало человеческого. Он и сам точно не знает, почему так вышло. Жаль...

И еще больше жаль, что я понял все это слишком поздно.

Он не отпускает меня. Я много раз пытался сбежать, но не могу даже толком отойти от дома. Словно на мне невидимый поводок: я выхожу из квартиры, спускаюсь на первый этаж, и уже становится душно. А стоит выйти на улицу, и «поводок» натягивается настолько, что дышать невозможно».

Ба-бах! Что-то (кто-то?) с диким грохотом ударилось в мою дверь. Я отскочил подальше, к окну. Тишина. Я в ужасе пялился на дверь, ожидая, что в любую минуту она распахнется и оттуда появиться *нечто*. Но в коридоре снова было тихо. Зато сзади слышался звук когтей, царапающих по стеклу. Я молниеносно развернулся, но за окном по-прежнему не было видно ничего, кроме беззвучной грозы и ливня.

Я передвинул лампу ближе к центру комнаты, чтобы оказаться максимально далеко и от двери и от окна. Выждал пару минут. Больше ничего не происходило. Тогда я вновь вернулся к чтению.

«Ирка сбежала. И помнишь жил с нами мужик, Аркадий который? Он смог уехать тоже. Значит, есть период, когда он еще только устанавливает над тобой власть, когда еще можно уйти. И я надеюсь, что ты еще успеешь. Я помогу тебе. Настолько насколько смогу. Я не собираюсь оставаться в этой квартире и ждать, пока он сожрет меня полностью! Я не хочу стать живым трупом, наподобие Василия! Уж лучше так...

А ты беги. Я помогу. Кто-то знающий о том, ЧТО происходит должен уйти»

Стас... Ты ведь действительно уже несколько раз спас ме-

ня. Спасибо, Стас... Только и я теперь уйти не могу.

Дверь в коридор со скрипом открылась. Я замер, готовый к тому, что оттуда сейчас появится неведомая когтистая тварь. Но нечто, издававшее жуткие звуки, пока я был занят чтением, заходить не желало. Я стоял в нерешительности, пока кто-то неистово не забарабанил в окно. Тут уже я, не оглядываясь, рванул в коридор.

Входная дверь опять не желала приближаться. От страха я начал пытаться вспоминать какие-то молитвы. Вдруг раздался смех. И распахнулась дверь в комнату Марьи Витальевны. Не без внутренней дрожи я вошел внутрь, памятуя о том, что уже видел в этих стенах. Помещение оставалось обычным, никаких кошмарных преобразований не наблюдалось. Лишь сама хозяйка уже сидела в своем кресле и следила за мной абсолютно пустым взглядом. Нет больше Марьи Витальевны. Есть лишь оболочка, марионетка. Быстро он ее скушал. А в комнате было просто безумное количество икон.

– Намёк понял, молитвы не помогут – пробурчал я и поспешил покинуть комнату.

В коридоре показался Василий, причём даже осмысленность в глазах замелькала. Не его – чужая.

– Расслабься. Все равно не сможешь уйти – голос тоже изменился. Бесцветность исчезла.

– Кто ты такой?

– Как кто? Соседушка твой, Вася. Неужели не признал? – он явно издевался.

Я не выдержал напряжения и бросился на него. Колотил в истерике, куда только мог, а он стоял как истукан и улыбался. Скоро мой панический запал иссяк. Я отступил назад. Василий продолжал стоять на том же месте и улыбаться. Было невыносимо страшно находиться рядом с этим существом, и я убежал в единственное доступное место – к себе в комнату. Тот, кто притворялся Василием рассмеялся и, судя по звукам, ушёл. Тем не менее, возвращаться в коридор я больше не рискнул. Было слишком жутко. Я не знал, что делать. В конце концов, я рухнул на диван и как маленький ребёнок спрятался с головой под одеяло.

Проснувшись, я с радостью обнаружил, что комната выглядит как обычно. Значит все-таки сон! Блин, кошмары становятся все круче и круче! Пару минут я приводил дыхание в норму. Несмотря на огромное облегчение, унять бешеное сердцебиение удалось не сразу. Наконец я собрался уже вставать, но тут же вскрикнул. Прямо надо мной стоял Василий. Стоял как будто давно, хоть я и не видел его, осматривая комнату после пробуждения. Смотрел тем же чужим взглядом. Какое-то время он молчал, видимо наслаждаясь моей паникой. Затем сказал: «Уходи».

Стоит ли говорить, насколько молниеносно я покинул проклятую квартиру?

Эпилог

После всех этих странных событий я вернулся домой. Сессию не сдал, жить в Питере мне было уже негде. Я потихоньку пытался вернуть свое существование в привычное русло, строил планы на будущее. Пережитое начинало казаться глупым кошмаром. Еще немного и я списал бы все на переутомление, которым я и объяснил свое возвращение и отчисление родителям. Но мне не позволили.

Бабуля, у которой я арендовал злополучную комнату, умерла и, как выяснилось, завещала именно мне свою часть квартиры. Родители были удивлены, но очень обрадовались моему везению. Я же не на шутку испугался.

А спустя какое-то время раздался телефонный звонок. Голос Василия. Но говорил, конечно, не он.

– Ну что, радуешься внезапному приобретению собственной жилплощади в Питере?

– Да не особо.

– И правильно. В общем, выбор перед тобой такой же, как у бабки: или возвращаешься сам, или приводишь других. А если захочешь отказаться от обоих вариантов, учти – я тебя отпустил, также легко верну обратно. А заодно и родителей твоих прихвачу. Что мне стоит от имени соседа позвонить им и сказать, что сынок при смерти и срочно необходимо приехать? И не думай, что сможешь меня обдурить.

Я понимал, что это не пустые угрозы. И понимал, что никто мне больше не поможет.

Он быстро прознал про мои записи. Но совсем не разозлился. Посмеялся и сказал, что я не первый такой умный. Всерьез-то текст все равно никто не воспримет.

Последнюю надежду он уничтожил с легкостью. Я все еще был уверен, что Ира и Аркадий в порядке. Но на рабочем столе своего компьютера я обнаружил два новых файла. Две фотографии. Изуродованное в аварии тело Аркадия. Ира с абсолютно пустым взглядом в стенах псих лечебницы. Да уж. Сбежали. Хорошо хоть Стас так и не узнал.

Протянув время настолько, насколько только смог (а монстр, к сожалению, в данном вопросе терпения не проявил) я сел за стол, открыл свой новый ноутбук, нашёл доску объявлений и дрожащими пальцами застучал по клавиатуре:

«Сдаётся комната в центре Петербурга. Недорого...»